

ОБРАЗ ГОРОДА: ОТ КАРТЫ К КАРТОИДУ

С. А. Смирнов

Новосибирский государственный университет
экономики и управления, Россия
smirnoff1955@yandex.ru

В статье описана ситуация смены представлений о среде обитания человека на примере образов и планов городов. Показано, что образ идеального города-утопии уступает место образу города как способа жизни и обитания. Вследствие этого происходит переход от попыток точного изображения и схватывания города и пространства в картах и схемах, метрически сохраняющих в масштабе объект изображения, к описанию города и пространства в идее картоида. Последний понимается как знаково-символическое изображение способа действия при освоении человеком пространства. Автор показывает, что картоид как идея и метод естественным образом возник в ситуации необходимости описания человеком своей навигации, при необходимости маршрутизации им своего продвижения и освоения пространства. В статье приводятся примеры карт и картоидов конкретных городов и территорий.

Ключевые слова: город, образ города, антропология города, пространство города, карта, картоид, навигация, регион.

IMAGE OF THE CITY: FROM MAP TO CARTOID

Sergey Smirnov

Novosibirsk State University of Economics and Management, Russia
smirnoff1955@yandex.ru

The article describes the situation of changing perceptions of the human habitat by the example of city images and city plans. It is shown that the image of an ideal utopia city is inferior to the image of the city as a way of life and habitat. As a result, there is a transition from attempts to accurately image and seize the city and space in maps and schemes that metrically preserve the image object on a scale, to describing the city and space in the idea of the cartoid. The cardoid here is understood as a sign-symbolic image of the mode of action when a person masters space. The author shows that the cartoid as an idea and method naturally arose in the situation of the need to describe a person's navigation, if necessary, to routing them their progress and mastering the space. The article gives examples of maps and cartoids of specific cities and territories.

Keywords: city, city image, city anthropology, city space, map, cartoid, navigation, region.

DOI 10.23951/2312-7899-2017-4-28-48

Миф города

При рождении любой культурной формы и онтологической идеи, будь то город, искусство, техника, человек или Бог, в культурной традиции закладывался определённый миф идеи. При основании города был заложен свой первородный миф. Миф города предполагает, что в городе должен быть сакральный центр, должны быть его границы. К городу как к точке, стягивающей пространство, ведут торговые пути, дороги, коммуникации. В самом городе выделяется центр, периферия, границы.

Исторически город как культурная форма насчитывает 10 тыс. лет. И почти столько же лет насчитывает эта идея-миф. От неё стали отказываться лишь в XX веке. Город как идея рождается тогда, когда человек был изгнан из рая, и он оказался предоставлен самому себе. Оказавшись на земле, будучи богооставлен, он вынужден был возделывать на ней свой мир, причастный Богу-создателю, равняясь на него. Поэтому при создании городов человек так или иначе всегда предполагал, что его земной мир, Царство земное, должно быть причастно Царству Небесному. А Град Земной – Граду Небесному. В этой связи формируются два образа города – Града небесного и Града Земного, проклятого, Града святого и Града падшего. Был святым город Иерусалим, и был город-блудница, девка, Вавилон, которым овладевают силой [Топоров 1987]¹.

Но, в любом случае, неважно, будь то Москва с её кольцами, или Амстердам и Петербург (калька с Амстердама) с их радиальными каналами от центра, или Париж с проспектами от Триумфальной арки, или малый город Арзамас, или Сузdalь, – любой город исторически осмыслился и выстраивался в своём пространстве с обязательным представлением о центре, о дорогах и путях, ведущих к нему и через него, и о его границах (рис. 1).

¹ Евангельский сюжет въезда Христа в Иерусалим на Пасху осмыслился как священный брак Бога с Городом-невестой, приготовленной и украшенной для мужа своего [Фрейденберг 1978, 491–522]. А городские ворота воспринимались как женский орган. Въезд Бога в ворота осмыслился как священный ритуальный акт, от которого начинается и новая жизнь.

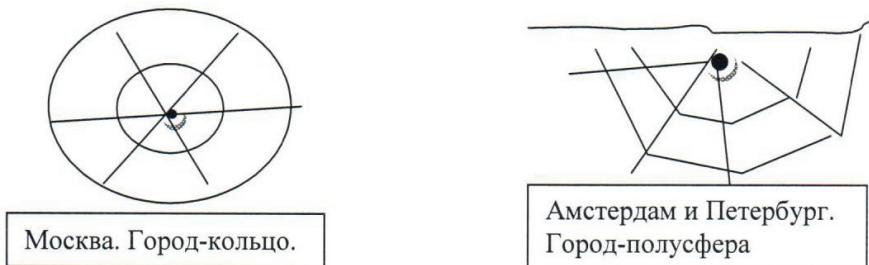

Рис. 1. Геометрия городов

Это геометрическое представление было связано с тем, что исторически город осмыслился как о-город, место, точка, стягивающая человека к священному месту обитания и защищающая его от внешней стихии-хаоса. Человек огораживал себя от иного мира, обозначал в центре своего о-города священное место-кашище, храм, площадь, крепость, вокруг которой образовывалось жилое пространство².

Любое новое поселение, дабы обрести устойчивость и реальность, должно было быть сориентировано на Центр Мира. Новое жилище и новый город были спроектированы на сакральный центр. Как творение мира началось с центра, так и любой город начинался с сакрального центра³.

Классическое представление о городе с центром и кругом воплотилось в реальные городские проекты, а также в проекты-утопии; пример – Пальма-Нова, город-крепость эпохи Возрождения 1593 г. (рис. 2, 3).

² Ограда, стена, круг из камней, замыкающих сакральное пространство, принадлежат к числу самых древних архитектурных моделей святилища [Элиаде 1999, 257].

³ Например, Рим так и зародился. Ромул вырыл глубокий ров, наполнил его плодами, засыпал землёю, поставил сверху алтарь. Затем провёл плугом круг вокруг алтаря, обозначив линию будущих стен. Этот ров и называли миром (*mundus*). Мир был сферой пересечения, местом встречи трёх уровней космоса. Первоначальной моделью Рима был квадрат, вписанный в круг [Элиаде 1999, 262]. Изначальная ритуально-мифологическая практика основания Священного Града перешла и в градостроительную, проектно-планировочную практику, закреплённую в античной традиции архитектором Гипподамом. Сначала фиксировался центр будущего города. Из него намечалась линия Запад-Восток, ориентированная на восход солнца. Перпендикулярно ей проводилась другая линия Север-Юг. В месте их пересечения устраивался жертвенник, вокруг которого обозначалось пространство для храма, форума, театра, терм. Параллельно основным магистралям проводились другие улицы, образовывавшие в пересечениях квадраты, становящиеся кварталами. Алтарь в центре города изображался как детородный орган. В алтаре соединяются вертикаль и горизонталь, он образует ось мира, его центр [Топоров 1987].

Рис. 2. Пальма-Нова. Аэрофотосъёмка

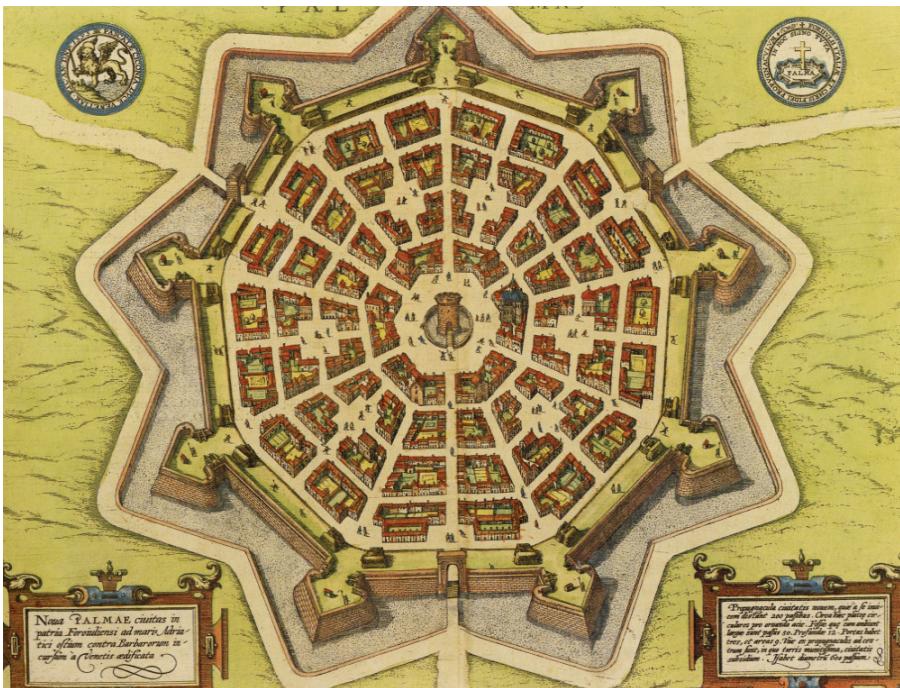

Рис. 3. Пальма-Нова. План города из книги 1597 г.

Такую же геометрию идеального города Сфорцинда видел архитектор Филарете (Антонио Аверлино) (рис. 4). Геометрия города, представленная в уме автора, воплощалась в камне. Идеальная форма врезалась в землю и камень и преобразила материал. Налицо воплощение aristотелевской энтелехии, создающей умом форму из живого материала. Заметим, что Филарете в своем описании города подверг регламентации всё: не только общий внешний вид города, но и его улицы и каналы, их ширину и длину, величину стен и башен, а также размеры домов, величину площадей, рынков и тюрьмы. Фактически Филарете регламентировал способ жизни жителей, их среду обитания.

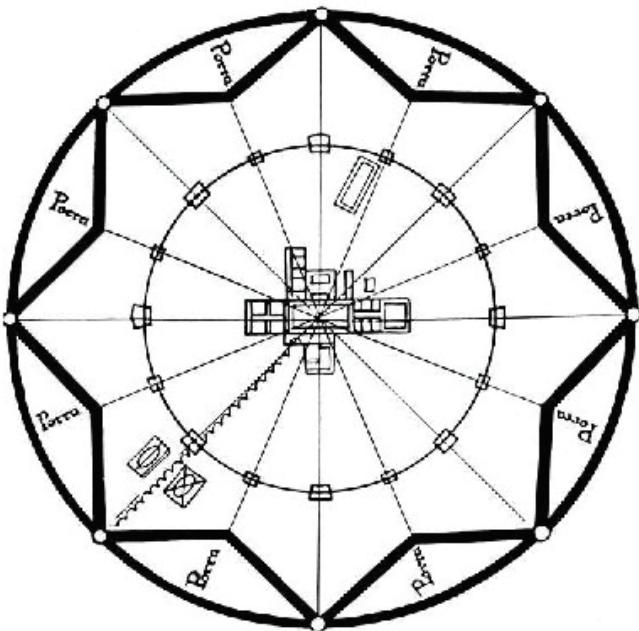

Рис. 4. План-чертёж Сфорцинды из «Трактата об архитектуре» Филарете. 1460–1464 гг.

Образ города здесь воплощается через идущие из античности представления об идеальных сферических формах. Город представлен как распустившийся цветок. Сходная форма цветка-мандалы дошла до XX века и воплотилась в проекте города-сада Э. Говарда (рис. 5). Он представил в едином кольце города, объединённые шоссейными и железными дорогами. Идеальную форму приобретает уже не город, а страна, как город-сад.

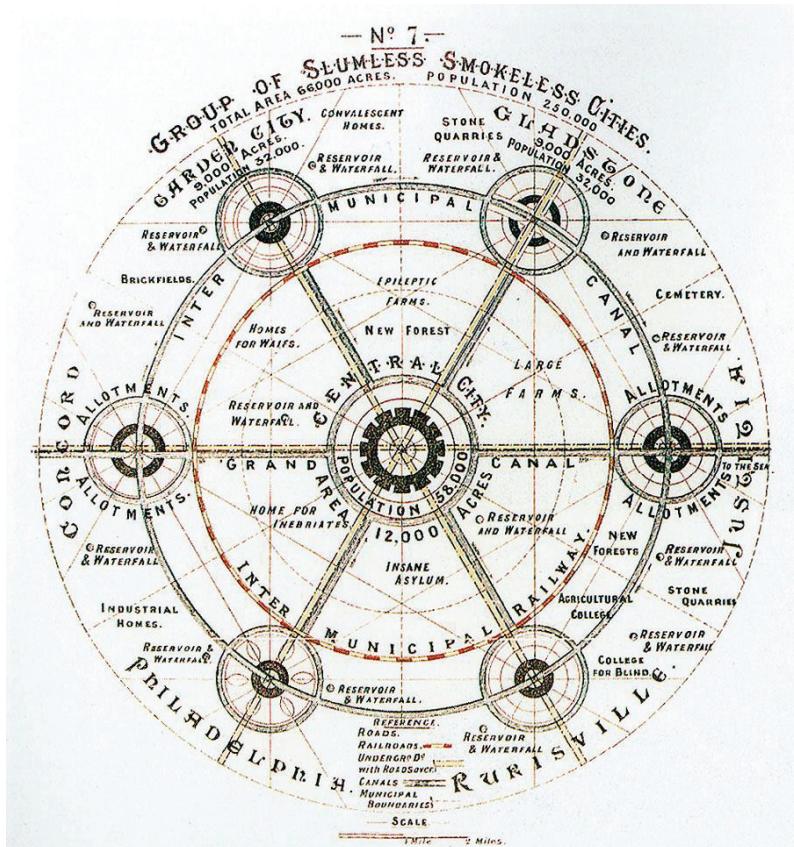

Рис. 5. План кольца городов Э. Говарда в его книге «Города-сады завтрашнего дня»

Приведённые выше символические формы, явно тяготеющие к хронотопу центр-линия-круг-граница, показывают понятную и объяснимую ориентацию мыслителей и архитекторов. Ориентация основана на идее Мирового Древа, ставшего архетипическим образом древней картины мира, организованной по линиям «центр–периферия», «верх–низ», «правый–левый» [Топоров 2010; Элиаде 1999]. Свои космогонические представления, идущие от первородной мифологии, люди, держа в сознании, затем задним числом как бы прикладывали, как формы в песочнице, к сырому материалу жизни и среды обитания. Естественным образом родившееся представление о космосе как о мировом древе затем искусственным образом прикладывается к жизни, к среде, пространству. Великие градостроители стремились фактически втиснуть свои города в искусственный, хотя и красивый символ – город рисовался

как красивый цветок или храм⁴. Стихия кривых улочек и городской повседневности втискивалась в великие проекты города-сада, города-утопии и подчинялась им⁵.

Исторические факторы, рождающие город как способ и культурную форму обитания (город-крепость, город-рынок, город-храм)⁶, в любом случае предполагали тяготение пространства обитания человека к центру и огораживание обитаемого места границей. Связка центра и границы была связующей скрепой, стяжкой, удерживающей город и мир как целое. Это воплощалось и в знаковых семиотических представлениях, оседавших в традиции⁷. Само рождение идеи «центра» и «границы», центральной «точки» и «периферии» и оформление этих идей в концепты суть знаково-семиотическая операция, встроенная в практику градостроительства, исходящую корнями из космогонической традиции, полагающей в самом мире божественный Верх и падший Низ, Правое, тяготеющее к Верху, Левое, тяготеющее к Низу. Хотя в естественном дочеловеческом и внечеловеческом мире по большому счету никакого центра и периферии нет. Осваивая землю, человек надстраивает над ней центры-точки и границы, перерисовывая мир и создавая свои образы космоса⁸.

Например, возьмём средневековый город. Сначала строился замок на холме, на возвышенности. Замок служил и резиденцией феодала, и крепостью, а также священным местом. Внутри замка ставился храм. Вокруг храма рождалась рыночная площадь. Вокруг холма

⁴ Впрочем, признаки этих символов явно тяготеют к родовым качествам древних космогонических представлений о модели мира в виде мандалы. Мандала собственно так и переводится – «круг», «центр», «то, что окружает».

⁵ Неоплатоническая модель идеального города-утопии, популярная у архитекторов эпохи Возрождения, воплотилась в проектах многих городов, особенно в проектах городов-крепостей, форпостов. Модель была воплощена при строительстве многих десятков городов, изначально игравших роль резиденций и крепостей монархов [Ревзина 2009]. Ренессансные неоплатоники стремились сохранить в своих проектах идею божественного космоса, воплощённого на земле, удерживая основную идею при создании древних городов: воплощение на земле в Граде Земном Града Небесного (см. об этом: Смирнов 2012).

⁶ Привычные образы-метафоры города (крепость, резиденция, храм) в настоящее время обогащаются новыми. Город представлен такими метафорами, как город-джунгли, город-базар, город-организм и город-машина. Все четыре лишены главного – тех, кто его изначально создавал – человека и Бога [Langer 1984]. Древний Город был не машиной и не вместилищем для жилья. Он одновременно понимался как Место, через которое человек соотносил себя со Священным Градом и центром мира и тем самым обретал смысл и своё истинное предназначение.

⁷ Священный город (Иерусалим, Рим) так и воспринимался – как центр мироздания, «пуп земли» (ομφαλός), место встречи Неба и Земли.

⁸ Воспроизведение модели Священного Града прослеживается в разных культурах. Например, в литературе описана сакральная топика русского города на примере Киева как нового Иерусалима, Града Небесного, и организация его символического пространства [Аванесов 2017].

осваивалась территория, разрастался посад, в котором жил ремесленный и торговый люд [Глазычев 2008, 12–13]. Так, по мере разрастания и самоорганизации, город развивался кругами и линиями, но всегда сохранял центр и границы, удерживающие город как целое.

Центральность священного места и границы города необходимо было поддерживать годичными праздниками, карнавалами, ритуалами. В русских городах каждый год крестный ход совершался кругом по линии городской черты, по кругу города, и всякий раз ритуал возобновлял, возрождал город, восстанавливал целое города в сознании горожан [Бондаренко 1996]⁹.

Пространство города тяготело к центру, к месту, исторически считающемуся местом рождения Храма Божьего. Чем ближе к центру, тем ближе к точке мира. Жить в старом центре города – значит быть (или, поселившись, стать) истинным горожанином, обладателем культурных богатств данного города, сопричастным традициям города [Каганов 1997, 1, 39]. Эти богатства понимались как манифестация высшего начала, Единого. Оно воплощается в центральных конструкциях, на которые, как на скелет, садилось всё остальное тело города. Деградация городской среды и, соответственно, разоформление образов города начинается с выпадения, с вымывания этих культурных центров.

Вопрос при этом заключался не в самих по себе культурных памятниках. Ф. Разумовский пишет, что не в «памятниках культуры» дело, а в образе всей среды. Основополагающие концепты и идеи подвергались пространственному претворению в наглядно конкретном ландшафтном зрелище. Пространственные образы «проповедовали, свидетельствовали об Истине, наставляли на Путь, в них доминировало руководительное начало» [Разумовский 1989, 43]¹⁰.

Симптоматично то, что жители городов идеалом города, городской культуры, считали как раз старый город, старый центр, место и пространство обитания в старину, в которых сосредоточены образцы традиционной культуры. Жители из окраин, из жилых массивов, считают своё место просто местом обитания, ночные, работы, но не городом. Они едут на праздник в исторический центр города, который в экономическом плане зачастую перестаёт быть центром, но остаётся центром духовным.

⁹ Эта практика обхода границ города, особенно во время осады и эпидемии, весьма древняя. Жители обходили торжественным шествием городские стены, чтобы актуализировать границы и придать им новую магическую силу [Элиаде 1999, 258].

¹⁰ См. подр. идею антропологии города в нашей работе: Смирнов 2012.

Исторический образ города, замечает Г. З. Каганов, его смысловой центр, внешне не всегда явленный буквально, – он умопостигаем, трансцендентен, постигается исторической рефлексией. И образ города будет таким, каким его порождает историческая рефлексия, которую осуществляет сам носитель акта рефлексии, то есть горожанин. Жителю ещё предстоит стать горожанином.

Историческую рефлексию проделывает не обязательно сам житель города. Здешний житель живёт внутри формы города, он врос в его структуры, является составной частью городской среды. А путешественник, специально приехавший сюда, приезжает с умозрением, со специальной оптикой мышления, которая позволяет ухватить, зафиксировать идею города, которая окаменела в памятниках, в камне и железе. Идея города лучше постигается не столько его жителем, сколько временщиком-наездником, сторонним наблюдателем.

Город воплощается в камне, существует как реальность в виде домов и улиц. Но он становится действительной культурной формой лишь в мышлении как результат исторической рефлексии, субъектом которой становится сообщество путешественников, которые строят пути по улицам города и выстраивают его культурный ландшафт у себя, на своей карте в дневниках наблюдений. Следы города видны не в текстах памятников, а в текстах книг этих путешественников, на их картах, в их стихах, романах и трактатах, записках путешественника. И тогда рождается город-текст [Топоров 1993].

Город историчен не потому, что в нём много памятников прошлого, замечает Г. З. Каганов, и не потому, что они включены в городской быт, а потому, что «есть некто, для кого эти памятники и их участие в текущей городской жизни составляют предмет специальных переживаний и специальной рефлексии» [Каганов 1997].

Разумеется, поэтому критерием урбанизации считается не рост числа каменных домов и заводов, при которых строятся жилые спальные районы. Критерием урбанизации считается развитие городских сообществ и формирование местного самоуправления и городского сознания, сознания сопричастности целому [Глазычев 2008, 13]. Сам по себе переезд крестьянина в город не означает развития города. Это всего-навсего переселение людей с крестьянским сознанием в другое место проживания. Равно как и само разрастание села, его укрупнение и расширение, появление в нём каменных домов не означает собственно появления города как феномена, как культурной формы. По той же причине сама по себе численность не является показателем города. Можно привести множество примеров поселений-миллионников, не являющихся городами.

Город-регион

Разрыв между городом-поселением и городом-культурной формой более явно стал обнаруживаться в настоящее время, время образования новых форм обитания, в которых перестаёт работать привычная парадигма центра и границы, привычная модель города как целого. Город расползается по территории и всё более теряет свои границы, образуя причудливую форму города-региона (*metropolitan area*): «Мир движется к тому, что всё его население будет городским. Мир уже таков: природные заказники, заповедники, национальные парки будут, надо полагать, увеличиваться в числе и размерах, но это происходит именно потому, что в их рекреационных возможностях всё более заинтересованы те, чья основная деятельность осуществляется в городской среде. Курорт, санаторий, туристический кемпинг, альпинистский лагерь – все они представляют собой эманацию городской среды в природное царство» [Глазычев 2011, 7].

В. Л. Глазычев фиксирует мировой тренд, с которым эмпирическое сознание с трудом справляется: географический принцип выделения города на территории с чётко обозначенными границами играет всё меньшую роль. Город всё более понимается не как географическая единица, имеющая границы обитания, а как способ обитания, как способ существования, имеющий свои качественные признаки, содержательные критерии, по которым горожанин всё менее отличается тем, живёт ли он в пределах Садового кольца, в центре города или в пригороде, на даче. Всё более становится понятным, что город и городское обитание – это определённый способ жизни и способ мысли¹¹.

Такое понимание было зафиксировано вообще-то давно. Но современная ситуация развития, включающая формирование открытого информационного пространства общения, Интернет, мобильность и скорость, обострили спор вокруг того, что такое феномен города и городского образа жизни, что такое феномен города в категориях человека, то есть, собственно, антропология города в её разных вариациях, включая такую проблематику, как «город как текст», «метафизика города», «город как литературный персонаж» [Смирнов 2012].

¹¹ См. подр. о городах-регионах, городах-агломерациях, городских урбанизированных кластерах след. работы: [Глазычев 2011; Воронов, Заусаев, Смирнов 2008]. В. Л. Глазычев дополняет, что в настоящее время в целом остаётся только два способа обитания – городской и заповедный, показывающий новую ценность природных территорий, нуждающихся во внимании и защите, но становящихся частью городских территорий (живая природа внутри города-региона) [Глазычев 2011, 210]. Деление «городской–сельский» уходит в прошлое. Мир превращается в город, а город становится миром.

Расползание города в пространстве, распространение урбанизированных пространств по территории и потеря единого центра обитания ещё более обостряет для человека, обитателя города, проблему самоорганизации и собирания себя в пространстве обитания, проблему ориентирования в городе. Ведь в исходном культурном смысле в городе как в культурной форме воплощается идея собирания человеком себя в целое, идея самоорганизации пространства обитания, включая как собственно человеческое тело («храм души», «обиталище души»), так и внешние по отношению к индивиду формы телесности – формы среды (здания, дороги, коммуникации). Город есть культурная, онтологически укоренённая идея поиска человеком центра мира, не зависящая от исторических ареалов и среды обитания человека.

Но современный город в своей геометрии всё менее становится похож на мандалу и круг со священным центром. Он всё более похож на сетку улиц, дорог и кварталов между ними. Сетка дорог и диагонали авеню доказали свою эффективность в эпоху автомобилизации. Нью-Йорк и Вашингтон со своими прямоугольными сетками улиц и авеню представляют собой дренажную систему, позволяющую не создавать пробок (рис. 6). Кольцевая Москва душила себя пробками до настоящего времени, пока городские власти не стали прорубать диагонали и строить развязки.

Рис. 6. Вашингтон. Город-сетка

От карты к картоиду

Стремление человека к созищанию пространства обитания и попытка отобразить это созищание в некоем целом образе воплотились в разного рода знаковых формах, ярким воплощением которых является карта.

Человек всегда пытался изобразить то, что видит, то, что пытается освоить в пространстве. Любое передвижение в пространстве требует ориентирования. А последнее нуждается в навигации, то есть в проектировании и изображении маршрута. Всякая деятельность человека в пространстве нуждается в создании картографического изображения [Берлянт 2014, 383]. Картография зародилась уже тогда, когда человеку надо было нанести на камень изображение местности, волочить на камне или папирусе места охоты, стоянок, пастбищ, боёв с врагами и хищниками, опасные места. Карты были необходимы всегда, когда надо было зафиксировать места полезных ископаемых, когда открывались новые территории, новые реки и моря, когда надо было прокладывать ирригационные сооружения и строить города, когда надо было вести войны и защищаться от врагов, прокладывать новые маршруты в неосвоенных землях.

Карта как метод и инструмент хороша тем, что в ней уже сочетаются свойства модели, схемы и образа реальной местности, в которой обитает человек. Забери у него карту – и он будет слеп, лишён ориентиров-опор. Но тогда он всё равно будет составлять карту из подручных материалов, из камней и палок. Древние карты в дописьменную эпоху именно так и составлялись.

Карта является главнейшим способом и средством в ориентировании и навигации человека. Равно как и способом, организующим его пространство обитания и маршруты передвижения. Понятно, что изобразить можно всё – «от геологии до идеологии», как шутят картографы. И хотя карта и относится к реальной местности, но всё же, в отличие от фотоснимка, она не является копией местности, а выступает модельным изображением, пропущенным через голову и руки картографа [Берлянт 2014, 17]. Поэтому у всякой карты есть своя легенда, описание того, что имеется в виду под данной картой, какая система описания условных обозначений была использована при составлении карты.

Теперь вернёмся к теме образа города. Исторически любой город был понятен древнему жителю. Входя в город, он сразу мог ориентироваться по отношению к центру – где храм и площадь, там центр. У него не было жёсткой необходимости осваивать городское

пространство. Оно уже было помечено сакральными местами, к которым обязательно вели все дороги и улицы¹².

Современные города не имеют такой чётко выраженной геометрии, деления на сакральные и сословные пространства обитания. Каждый город извне похож набором функций. Но каждый город осваивается человеком по-своему и по-разному. Поэтому каждый человек фактически составляет *свою* карту города.

Представим себе ситуацию: человек приезжает в незнакомый город, в котором ни разу не был. Он решает его изучить. Но гида ему не дали. Пришлось ему самому изучать город «ногами». Он берёт карту города в гостинице, фиксирует на ней точку своего местонахождения и идёт в город, понемногу осваивая незнакомое пространство. Идёт в одно место, в другое, опираясь на карту, наносит на ней свои значки, рисует стрелки, что-то помечает. Он рисует на чужой для него карте *свою* карту. Постепенно город начинает для него оживать, осваиваться. И чужая карта становится всё более не нужной, поскольку она вжилась в этого человека, стала его частью. Человек нарисовал в себе, в своей памяти *уже свой* город, обжитый, освоенный. Карта, ранее купленная гостем, ему уже не нужна, но она осталась в ином виде, обжитом, перенарисованном, не отделённом от самого путника. В следующий раз, приехав в этот город, он может восстановить пройденные маршруты, не пользуясь внешней картой.

Но надо признать, что образ города, сложившийся в сознании этого человека, не является картой города или его части. В сознании человека сложился некий картоид, то есть освоенный в маршруте кусок городского пространства и зафиксированный в знаковой форме. Собственно, тем и отличается картоид от карты: карта, хотя и не равна территории, но она замещает её в знаке. Картоид не замещает пространство. Картоид становится способом освоения пространства.

Сходный пример приводил психолог К. Левин при характеристике процесса формирования психологического поля [Левин 2001, 259–260]. В незнакомый город приезжает человек, заранее заказав комнату для проживания. Но до неё надо доехать от вокзала. Он наводит справки, узнаёт, что такой-то трамвай идёт до такого адреса, до дома, в котором он снял квартиру. Он доеzdает до дома. И, проезжая по городу, замечает К. Левин, этот человек посредством составления

¹² Так всегда считали в традиционных культурах все приезжие и путники. В известном фильме «Покаяние» герояня так и спрашивает: «Эта дорога ведёт к храму? Зачем нужна эта дорога, если она не ведёт к храму?»

маршрута в незнакомом городе по-своему начинает структурировать пространство. И так постепенно человек структурирует территорию, проезжая и проходя по ней, посредством чего он *осваивает* эту территорию. Первоначально туманная и неструктурированная область постепенно приобретает понятную структуру и определённость [Левин 2001, 260]. Эту структурированность, сдвиг от аморфной области к структуре Левин изображает на рисунках (рис. 7).

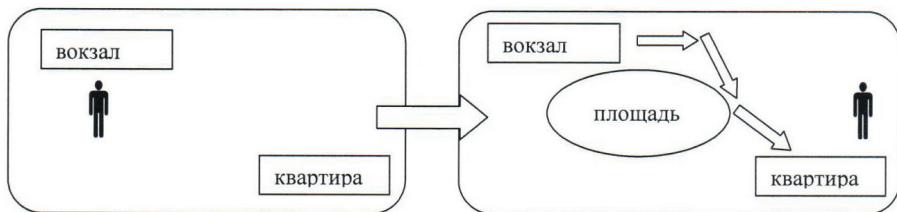

Рис. 7. Шаги структурирования и картирования местности

Если бы этот приезжий путник имел умный мобильник с установленным в нём навигатором, он бы по нему сразу мог бы получить проложенный маршрут. Но во времена Левина их не было. Поэтому приезжий был вынужден сам прокладывать маршрут. Но вопрос не только в этом. Вопрос в том, что, прокладывая маршрут, человек структурирует незнакомое пространство, организует и *присваивает* его. Город становится для него *своим*. По уже проложенному до него и для него маршруту, но чужому, человек просто перемещается, но не осваивает его. Если же он прокладывает свой маршрут, он как бы вырезает на карте свой город, вырезает его ногами и глазами, своим телом и действием и посредством этого как бы присваивает себе часть города. Вырезанный кусок города становится *его* городом, по поводу чего он составляет *свою «карту»*, не равную цельной карте города. Эта *своя* нарисованная телом карта становится выраженным в знаке городом, который и называется картоидом (рис. 8). Пешеход, житель, путник как бы вырезает на сетке улиц свою траекторию, кладя её в основание своей карты города. Кarta тебе даётся, а картоид вышагивается.

Человек ориентируется и действует не в самом по себе натуральном наличном поле. Он ориентируется, выстраивая смысловое поле идеального целевого действия. Но для построения смыслового каркаса поля действия нужна навигационная карта-опора. Таковой опорой и выступает так называемый картоид, означающий фактически феномен обживания и вживления обитаемой местности в человека.

Картоид отличается от карты тем, что это знаковая форма собственного проделанного маршрута по незнакомой местности с нанесёнными самим путником знаками. Это карта не объекта, это карта моего маршрута по объекту и его освоения.

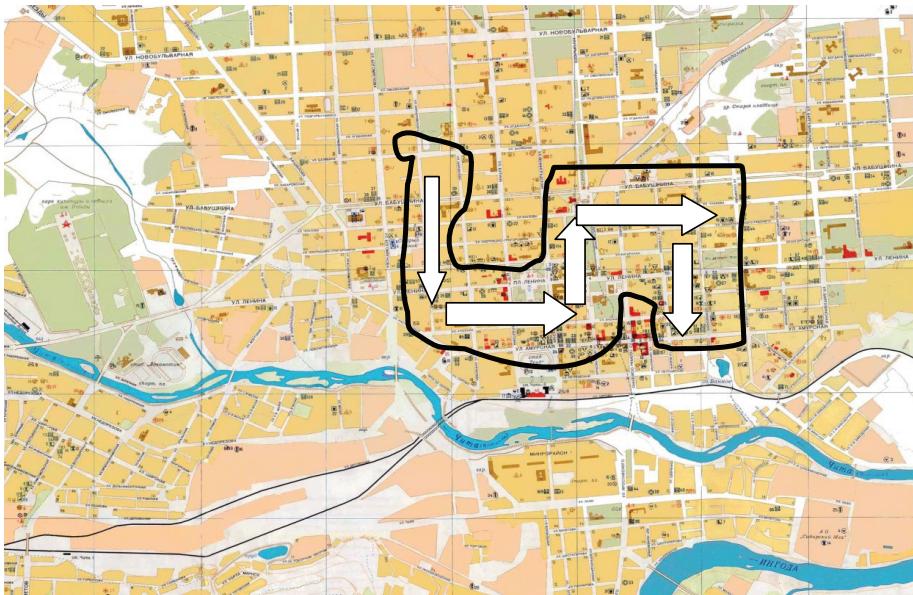

Рис. 8. Картоид на фоне карты города

Этот естественный для каждого человека способ освоения пространства лёг в основу уже проектной и исследовательской идеи, которую предложил географ Б. Б. Родоман. Он предложил ввести понятие географического картоида [Родоман 2007]. Картоид отличается от привычной географической карты тем, что он носит отчётливо выраженный личный, авторский характер. Географический картоид, по Б. Б. Родоману, совмещает в себе свойства карты, чертежа, схемы и образа. С одной стороны, в картоиде сохраняется изображение реального объекта, то есть территории, города, региона, здания. С другой стороны, в нём могут не учитываться масштаб и метрические свойства объекта. В классической карте, разумеется, необходимо масштабировать объект, изображать его с помощью системы знаков. В картоиде масштаб не обязателен, но важно изображение идеи, процесса, невидимого невооружённым глазом. Так, приводит пример Родоман, факторы развития города Москвы можно представить в виде картоида (рис. 9).

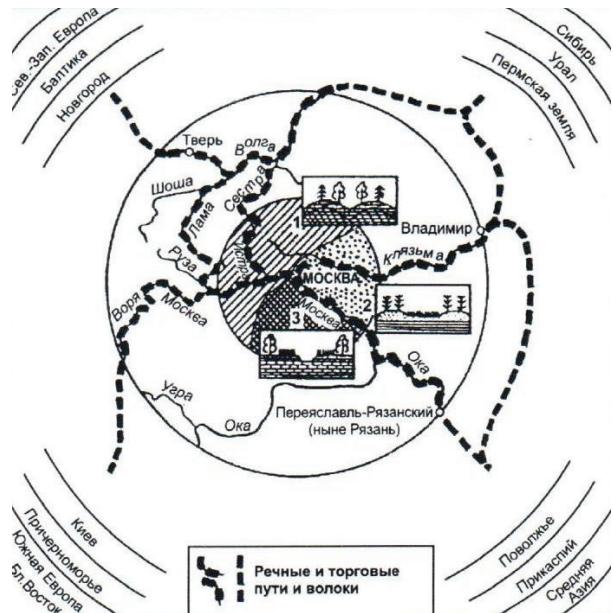

Рис. 9. Картойд. Географические факторы возвышения Москвы

Здесь не важно точное изображение; тем более, что карта и не является копией, фотографией объекта. С помощью картоида Б. Б. Родоман предлагает изображать не саму по себе территорию, а фактически воздействие человека на неё, но не с точки зрения природных процессов, а с точки зрения видения и понимания процессов. У Родомана тем самым было сугубо методологическое предложение, относящееся уже не только к географии, сколько к антропологии, хотя он такого слова не употреблял. Он пытался придать идею изображение, но посаженное на территорию, сочетая тем самым законы картографии, картосемиотики, геоиконики и методологии познания. Составители картоидов, отмечает Родоман, могут себя не связывать математическими правилами и метрикой: они, «подменяя геометрию топологией, идут на любое искажение форм и размеров, чтобы наглядно выразить какую-то идею, для которой картойд служит пространственной структурной формулой» [Родоман 2007, 205].

Строго говоря, например, экономическая картография уже давно фактически разрабатывает не классические карты, а экономические картоиды, поскольку продумывает условные обозначения, свою семиотику карт, на которых наносятся знаки, показывающие то, что не относится к территории как географической единице. На таких картах наносятся экономические объекты, а не реки и озёра.

Надо сказать, что картоиды исторически возникли даже раньше карт, поскольку в них, в картоидах, человеку было важно зафиксировать не столько территорию саму по себе, сколько её событийность для того, кто их составлял, своё отношение к ней, к себе, к миру, к процессам и событиям, которые происходят. Известно, что древние карты городов и земель не отличались точностью и правильностью, они не сохраняли в себе объект изображения и больше походили как раз на картоиды.

Картоид отличается от классической геокарты тем, что он событирен. Он сочетает в себе не только свойства картины объекты и образа в сознании человека, но и события, которые с ним происходят. В картоиде отображаются следы-знаки событий, происходящих с человеком. Картоид, тем самым, становится навигационной картой, с помощью которой изображается продвижение человека в пространстве¹³.

Картоид составляется не для точности и масштабируемости территории. Автору картоида нужна не точность, а узнаваемость, важно то, чтобы с помощью картоида можно было ориентироваться и передвигаться. Любой рисунок, знак на камне, на кости у древнего человека-охотника и рыболова становился таким картоидом. Ему была важна не точность и правильность линий рисунка, а нахождение своего места в пространстве-времени с помощью этого рисунка при своей навигации. Тем самым картоид становится гораздо более точным средством в антропологической навигации¹⁴.

Картоиды уже используются и как методические средства при преподавании географии. Они свободны от метрики и необходимой точности, но сохраняют в себе идею изображения географического объекта и отношения к нему человека. Приведём примеры географических картоидов [Филиппович 2013] (рис. 10–12).

Картоид свободен от учёта метрики и масштаба. Для модельного или схемного изображения идеи, посаженной на территорию, нет необходимости прибегать к математическим расчётам и масштабированию. Достаточно подобрать адекватный графический язык и выразить с его помощью эту идею. Картоид, разумеется, выступает как феномен идеализации, но особого рода. В нём собирается в одной графике множество качеств: карта территории, маршрут движения по ней, видение её, цель и смысл продвижения и момент изменения самой изображаемой местности.

¹³ Разумеется, в картографии выделяется такой особый тип карт, как *навигационные карты* (карты-лоции, аэро- и космические карты, карты туристических маршрутов, морские навигационные карты и др. [Берлинг 2014]). Навигационные карты всегда нужны для визуализации маршрутов, прокладывания путей и прогнозирования движения.

¹⁴ О роли картоида в антропологической навигации см. работу: Смирнов 2016.

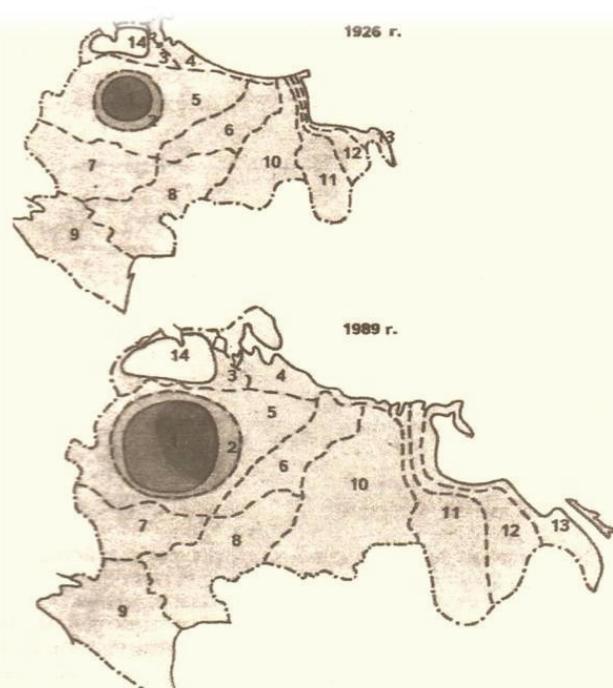
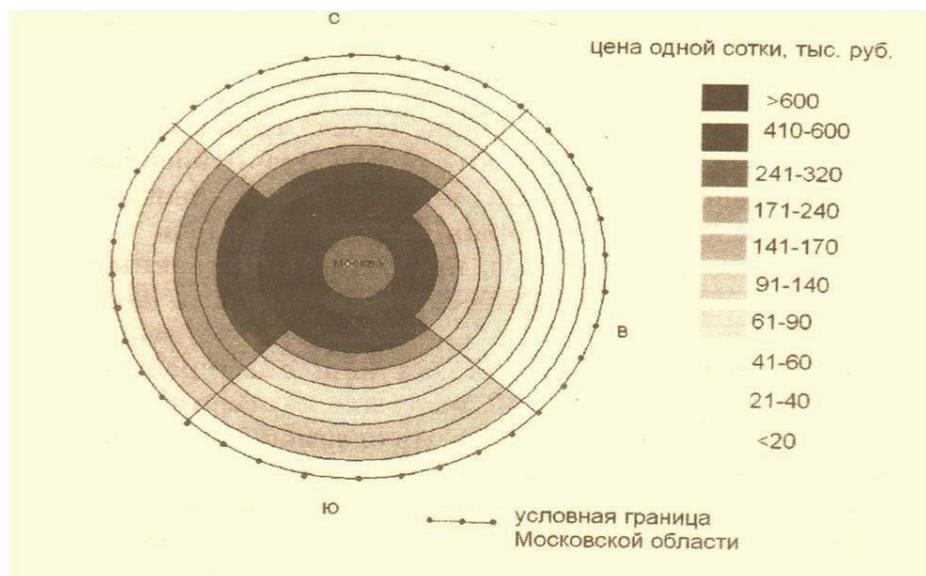

Рис. 11. Картоид, изображающий экономические районы Московской области не с точки зрения размеров площадей районов, а с точки зрения величины численности населения

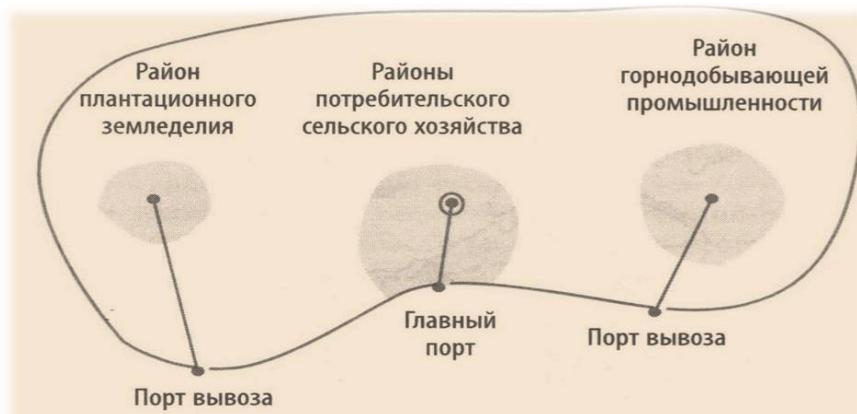

Рис. 12. Типологический картоид, изображающий не реальный регион или город, а тип региона

Также картоид хорош тем, что он работает со временем. Б. Б. Родоман отмечает, что классическая геокарта применима прежде всего в качестве формы изображения настоящего состояния. Но при изображении прошлого и будущего традиционные геокарты фактически становятся картоидами или заменяются ими [Родоман 2007]. Поэтому для работы с феноменом жизненной траектории применим, разумеется, опыт работы по составлению навигационных картоидов, то есть идеальных объектов, визуально представляющих маршрут движения.

Но в географическом картоиде отсутствует главное – сам автор картоида или, шире, – субъект навигации. Фактически, вышеописанные примеры про человека в незнакомом городе – это примеры географического картоида, но не антропоидного, поскольку мы не знаем, что происходило с человеком по мере его продвижения по городу и его освоения. Ведь картоид составляется его автором по поводу собственной навигации в пространстве-времени. От того, как составитель картоида видит свою навигацию и как он меняется при передвижении по местности (в том числе воображаемой), зависит и содержание самой навигации, и содержание и форма картоида.

Поэтому можно говорить о разных видах картоида: антропоидный, социальный, психологический картоид. Антропоидный картоид означает карту-маршрут изменения человека в процессе прохождения и прокладывания им своего маршрута, своей жизненной личностной траектории. В антропоидном картоиде одновременно совмещаются разные функции: карты-модели незнакомой местности, рефлексивного дневника самонаблюдений, бортового журнала, записок путешественника, прибора-инструмента, с помощью кото-

рого ведётся наблюдение и фиксируются точки-реперы пути. Он становится татуировкой и автографом на теле личности путника. Например, если два путника пойдут гулять по незнакомому городу, по поводу которого уже имеется составленная карта, то в процессе прохождения своего маршрута они будут составлять *разные* картоиды. Карта останется одна, а картоидов будет два, поскольку обра́зы города у них будут разные.

Итак, с одной стороны, картоид выполняет роль инструмента по навигации, с другой, – он выступает посредником, с помощью которого человек-путник, составляя собственный маршрут и одновременно его проходя, постепенно переживает изменения самого себя, поскольку карта незнакомого пути вживается в него, становится его частью. Пройденный путь, выступая биографией героя, воплощается в автограф. Город у каждого жителя имеет свой почерк¹⁵.

Следствием этого становится необходимым требование к городу, городским властям и сообществам: в одном поселении будет столько картоидов города, сколько в нём будет людских маршрутов-траекторий. Это задаёт, с одной стороны, плотность и разнообразие городской среды, с другой – сложности управления городской средой. Но это уже тема для другого разговора.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аванесов 2017 – Аванесов С. С. Сакральная топика русского города (4). Интерьер софийского собора: семантика ворот // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2017. № 3 (13). С. 45–70.
- Бондаренко 1996 – Бондаренко И. А. «Дивно место сие...». Градостроительные идеалы Древней Руси // Человек. 1996. № 3. С. 146–159.
- Воронов, Заусаев, Смирнов 2009 – Воронов Ю. П., Заусаев С. А., Смирнов С. А. Агломерации и урбанизированные кластеры: к новым объектам проектирования и управления // Вестник Новосибирского государственного университета экономики и управления. 2009. № 1. С. 101–115.

¹⁵ Представление города как текста известно давно, в данном случае речь идёт о том, что современная практика обитания в городе похожа на практику написания авторского, эгоцентрического текста на культурном тексте. В русской литературе описан, например, Петербург как текст и литературный персонаж, у разных писателей имевший свою образную физиономию (от Пушкина через Гоголя, Достоевского и Белого до Бродского). Рефлексию петербургского текста выстраивал В. Н. Топоров [Топоров 1993]. Здесь же речь идёт не о городедраме, а о повседневной жизни миллионов жителей города, пишущих свою траекторию проживания в городе посредством своих маршрутов, далеко не всегда знающих Город как культурный текст и не умеющих читать его культурные знаки-следы.

- Глазычев 2011 – Глазычев В. Л. Город без границ. Москва, 2011.
- Глазычев 2008 – Глазычев В. Л. Урбанистика. Москва, 2008.
- Берлянт 2014 – Берлянт А. М. Картография. Москва, 2014.
- Каганов 1997 – Каганов Г. З. Среда обитания и образы истории // Человек. 1997. № 1. С. 38–56. № 2. С. 31–46.
- Левин 2001 – Левин К. Динамическая психология. Избранные труды. Москва, 2001.
- Разумовский 1989 – Разумовский Ф. Большое пространство малого города // Наше наследие. 1989. Вып. VI (12). С. 30–39.
- Ревзина 2009 – Ревзина Ю. Е. «Атакующий город». Архитектурные идеи Возрождения и европейская фортификация Нового времени // Города мира – мир городов. Москва, 2009. С. 240–247.
- Родоман 2007 – Родоман Б. Б. География. Районирование. Картоиды. Смоленск, 2007.
- Смирнов 2012 – Смирнов С. А. Антропология города // Человек.RU. Гуманитарный альманах. Новосибирск. 2012. № 8. С. 136–151.
- Смирнов 2016 – Смирнов С. А. Антропологический навигатор. К событийной онтологии человека. Новосибирск, 2016.
- Топоров 1993 – Топоров В. Н. Петербург и Петербургский текст русской литературы // Метафизика Петербурга. Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры. Вып. 1. Санкт-Петербург, 1993. С. 205–235.
- Топоров 2010 – Топоров В. Н. Мировое дерево. Универсальные знаковые комплексы. Том 1. Москва, 2010.
- Топоров 1987 – Топоров В. Н. Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте // Исследования по структуре текста. Москва, 1987. С. 121–132.
- Филиппович 2013 – Филиппович Л. С. Картоиды и их применение на уроках географии // География. Всё для учителя. 2013. № 6 (18). С. 16–20.
- Фрейденберг 1978 – Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. Москва, 1978.
- Элиаде 1999 – Элиаде М. Трактат по истории религии. Том II. Санкт-Петербург, 1999.
- Langer 1984 – Langer P. Sociology – Four Images Organized Diversity // Cities of Mind: Images and Themes of the City in the Social Sciences. New York, 1984. P. 97–118.

Материал поступил в редакцию 23.10.2017